

И.С. Леонов

**ОБРАЗЫ ПРАВОСЛАВНЫХ ПРИХОЖАН И СПОСОБЫ ИХ ИЗОБРАЖЕНИЯ
В ТВОРЧЕСТВЕ СОВРЕМЕННЫХ ПИСАТЕЛЕЙ-СВЯЩЕННИКОВ
(на материале произведений А. Шантаева, А. Лисняка, С. Михалевича)**

Статья посвящена изображению уникального приходского мира современной России, нашедшего художественное воплощение в прозе духовных писателей XXI века. Объектом исследования становятся произведения, принадлежащие приходской литературе (шире – православной прозе), авторами которых являются протоиереи Александр Шантаев, Алексей Лисняк, Савва Михалевич. В процессе изучения художественного мира указанных авторов основной акцент делается на образах прихожан и приемах их создания, при этом выявляются три основных подхода: индивидуальный, индивидуально-групповой, обобщенный. В ходе исследования определяется механизм формирования образов прихожан, который подчинен алгоритму: деталь – узнавание – вывод, где под деталью понимается наиболее яркая черта внешности или поведения персонажа, а узнавание может протекать двумя способами: латентным и/или активным. Также в работе исследуются специфические ситуации перехода от одного к другому типу узнавания, в результате которого происходит своеобразное «знакомство» пастыря-повествователя с членами прихода, позволяющее ему более полно и глубоко понять сущность жизненных и духовных противоречий как отдельного человека, так и современного общества в целом.

деталь, литературное творчество священнослужителей, православная литература, приходская проза, узнавание.

Настоящее исследование посвящено специфике современной приходской прозы, являющейся неотъемлемой частью православной художественной литературы, которая привлекает внимание не только представителей читательской аудитории, но и ученых-филологов. В последние десятилетия активно изучается творчество писателей-священно-служителей, а также близких к ним светских авторов, опирающихся в своих идейных и художественных исканиях на православную этику, метафизику, символику, опыт и авторитет церкви. Речь идет о таких авторах, как Ярослав Шипов, Тихон Шевкунов, Николай Агафонов, Александр Торик, Сергей Козлов, Борис Споров, Татьяна Шипошина и др.

О научном интересе к творчеству обозначенных писателей (и православной литературе в целом) свидетельствует появление ряда научных работ, включающих и диссертационные исследования. Так, в работе М.С. Красняковой¹ рассматриваются три типа сюжета современной православной литературы: паломнический, монастырский и семейно-бытовой. Также заслуживает внимания диссертация С.М. Червоненко², в которой, наряду с другими особенностями современной христианской прозы, исследуются образы священнослужителей и монахов в творчестве архимандрита (ныне епископа) Тихона (Шевкунова), священника Ярослава Шипова и др.

Несмотря на значительный интерес к творчеству православных писателей, наблюдаемый в настоящее время, следует отметить слабую степень изученности такого литературного явления, как «приходская проза», включающая очерки, рассказы, повести, дневниковые записи, выдержки из богослужебных журналов, авторство которых принадлежит представителям сельского духовенства.

¹ Краснякова М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2016. 22 с.

² Червоненко С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священнослужителей: малые жанры русской прозы 1990–2000-х годов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2013. 22 с.

Цель настоящей работы – на материале творчества протоиереев Александра Шантаева, Саввы Михалевича и Алексея Лисняка рассмотреть особенности изображения образов сельских прихожан, а также исследовать специфику взаимодействия пастыря и паствы в пространстве сельской приходской общины и за ее пределами, отраженную в приходских повестях и рассказах.

Следует отметить, что в литературных произведениях подобного рода содержится богатый материал этнографического характера. Современная приходская проза не ограничивается изображением исключительно внутрицерковной жизни; спектр поставленных в ней проблем достаточно широк. В повестях и рассказах авторов-священнослужителей, как правило, речь идет о злободневных социальных, нравственных, духовных вопросах, связанных с жизнью конкретного человека и общества в целом. Наиболее полно они раскрываются в произведениях, основанных на изображении персонажной модели *пастырь – паства*, в которых рассказчик – настоятель сельского прихода – наблюдает за жизнью членов церковной общины или вступает с ними в непосредственное общение. Благодаря этому священник, чаще всего человек изначально городской, познает новую для себя действительность, обогащает личный духовный и жизненный опыт, который находит отражение «...в кратких заметках... – “стоп-кадрах” и “стоп-мыслях”»³.

Специфика изображения рассказчиком членов приходской общины включает два вида, которые можно обозначить при помощи рабочих терминов: а) латентный; б) активный. Латентный тип фигурирует в произведениях, отражающих в первую очередь богослужебно-обрядовую сторону жизни сельского прихода. В процессе совершения богослужения или иного обрядового действия священник-повествователь наблюдает за определенным прихожанином, отмечая при этом ряд характерных для него особенностей. Внимание рассказчика, как правило, привлекает какая-либо *деталь*, отличающая конкретного человека от остальных прихожан, делающая его более заметным в глазах пастыря. Под этим следует понимать отдельную черту внешности, бросающуюся в глаза особенность поведения персонажа (или резкую перемену в нем), на которую обращает внимание повествователь. Кроме того, в данном контексте к детали можно отнести определение места человека в приходском мире, указание на *регулярность/нерегулярность, частоту* посещений им церковных служб, а также перемены в привычном ритме, кратковременное или длительное *исчезновение* его из поля зрения священника. В ряде случаев автор может сделать акцент на нескольких признаках персонажа, что позволяет говорить о наличии *комбинированной детали* (например, черта внешности + своеобразное посещение богослужений / временное исчезновение). Следует отметить, что деталь достаточно часто способствует формированию своеобразной загадочной или интригующей ситуации, наталкивающей священника-повествователя на поиск ее разрешения. К примеру, речь идет о попытках узнать о причинах необычной внешности прихожанина или внезапного «выпадения» его из литургического пространства приходской жизни.

Активное взаимодействие пастыря с представителем паствы находит воплощение в беседе или во время совершения совместных действий: нахождение в ситуации попутчиков, участие в работах по уборке и ремонту храма и т.д.

В основе большинства произведений приходской литературы, реализующих модель *пастырь – паства*, изображается переход от латентной формы общения к фазе активного взаимодействия, в результате которого происходит узнавание священником прихожанина, своеобразное «знакомство» с ним, позволяющее более полно и глубоко понять обстоятельства жизни, психологические особенности и суть духовных исканий мирянина. Под *узнаванием* понимается сложный, в ряде случаев многоступенчатый процесс раскрытия «тайны» члена приходской общины, на которую указывает деталь. Узнавание происходит на основе двух способов:

- непосредственно, то есть когда священник вступает в процесс коммуникации с прихожанином и/или становится свидетелем его поступков;
- опосредованно, то есть через характеристику со стороны других персонажей, как правило, относящихся к близкому кругу рассказчика.

Таким образом, при латентном характере изображения представителя паствы центральное место занимает деталь, при активной – узнавание, то есть раскрытие своеобразной «тайны», заключенной в детали и привлекающей внимание или вызывающей удивление у повествователя.

³ Кононенко Ю. Феномен «священнической прозы». URL : <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 01.03.2017).

В ряде произведений, относящихся к приходской литературе, цепочка *деталь – узнавание* имеет дополнительный компонент – *вывод*, наличие которого не является обязательным. В отдельных случаях повествователь лишь подготавливает читателя к формулировке собственного обобщения, внешне бесстрастно констатируя те или иные факты окружающей действительности, связанные с жизнью члена церковной общины. В отдельных ситуациях вывод, формулируемый рассказчиком, может допускать достаточно резкие оценки человеческих поступков и ситуаций.

Представленный алгоритм изображения образов православных верующих в современной приходской литературе необходимо рассматривать с учетом типов изображения паствы и ее представителей, нашедших воплощение в творчестве писателей-священнослужителей. К ним относятся: а) индивидуальный; б) индивидуально-групповой; в) обобщенный.

Индивидуальный тип основан на выделении из числа прихожан одного представителя, чья судьба или отдельные жизненные обстоятельства вызывают интерес у повествователя. Как правило, «знакомство» с ним способствует обращению к широкому спектру социальных, нравственных, духовных проблем. Таким образом, в произведениях приходской литературы возникает постепенный переход от частных вопросов к общим, актуальным для современной российской действительности.

Пример, иллюстрирующий специфику данного типа, содержится в рассказе протоиерея Александра Шантаева «Про старушку с носом», в котором описание центрального персонажа – пожилой прихожанки, имя которой не называется, – строится согласно схеме *деталь – узнавание* (авторский вывод опускается).

Отправной точкой для «знакомства» читателей с персонажем становится *комбинированная* деталь, включающая определение места женщины в пространстве сельского прихода, а также указание на специфические особенности ее внешности. Рассказчик проводит своеобразное разграничение между постоянными прихожанами и теми, кто «...появляются по великим праздникам и в дни чествования особо почитаемых икон...»⁴. Тут же следует комментарий, что центральный персонаж рассказа относится ко второй категории, что отражает степень знакомства и характер взаимоотношений пастыря с прихожанкой.

Возникающий в произведении мотив узнавания тесно связан с портретной характеристикой пожилой прихожанки, в которой наблюдаются как типичные, так и сугубо индивидуальные черты, отличающие ее от остальных богомольцев. К первым следует отнести высокий рост, худощавое телосложение и особенности лица, «как нередко бывает у пожилых сельских жителей, здорового цвета с румянцем на щеках»⁵. Индивидуальный характер облику женщины придают «губы – сухие, на первый взгляд замершие в насмешке»⁶ и «нос – длинный и вытянутый, похожий на морковку, очищенную на терке»⁷. Специфические детали портрета создают определенную интригу: священник-повествователь пытается с их помощью узнать обстоятельства жизни старухи. Раскрытие загадки «старушки с носом» происходит двумя путями: а) непосредственно, то есть через личный опыт общения с прихожанкой; б) опосредованно, то есть с помощью другого персонажа, занимающего более близкую позицию по отношению к пастырю. Так, в первом случае становится понятно возникновение на лице женщины насмешливого выражения: «Когда же познакомишься с ней поближе, понимаешь, что это – вовсе не свидетельство ехидства, как у иных старух, просто житейские обстоятельства так отобразились на ее лице»⁸. О сути данных обстоятельств священник узнает от знакомой бабы Кати, рассказ которой проливает свет на особенности внешности пожилой прихожанки: изуродованный нос явился следствием пьяного дебоша зятя старухи, убившего во время приступа белой горячки ее дочь и нанесшего физические увечья теще.

Таким образом, через изображение конкретного персонажа – «старушки с носом» – автор проводит мысль о глубокой нравственной деградации современного ему сельского общества, отмечает характерные для него тенденции к саморазрушению и вырождению. Изображая конкретную ситуацию, автор предоставляет читателю право самостоятельно сформулировать вывод, лишь подготавливая его к своеобразному социально-нравственному обобщению, которое зависит от читательского восприятия изображенных в тексте событий.

⁴ Шантаев А., прот. Асина Память: рассказы из российской глубинки. М.: Никея, 2015. С. 166.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

⁷ Шантаев А., прот. Асина Память ... С. 167.

⁸ Там же. С. 166.

В отдельных случаях вывод формулирует непосредственно автор, о чем свидетельствует рассказ А. Шантаева «Две бабушки», в котором повествуется об ограблении дома пожилой женщины. В данном произведении авторский комментарий достаточно категоричен: «Где-то в далекой Чечне который год грохочет война, воспринимаемая всеми как кошмарный сон, а в русском селе со сказочным названием Берендеево ублюдки мучают слепую старуху, душат вдову, взламывают церковь... Война идет и там, и здесь, и эти войны связаны между собою. Они – порождение одних начал, следствие одних причин»⁹. Рассказ строится на основе схемы, представленной в виде цепочки *деталь – узнавание – вывод*, где деталь включает изображение особенностей интерьера дома пожилой женщины (подчеркивается бедность обстановки, нищета), узнавание и формулировка вывода исходят напрямую от повествователя.

Индивидуальный тип изображения представителя паствы неоднократно фигурирует в повести С. Михалевича «Год на сельском приходе», созданной в форме дневниковых записей. Так, фрагмент от 18 февраля посвящен личности и судьбе пожилой прихожанки бабы Оли. Рассказчик обращает внимание на черты ее внешности («Маленькая, худенькая, сморщенная, в черном платочке, выражение робкое и испуганное»¹⁰), а также на периодическое исчезновение из приходской жизни. Подобная «нестабильность» посещения богослужений создает своеобразную интригу, которая раскрывается за счет *узнавания*, проходящего в несколько этапов, каждый из которых привносит в рассказ дополнительные сведения о судьбе женщины. Во-первых, речь идет о непосредственном общении священника с бабой Олей, в процессе которого становится понятно, что старушка проживает в доме престарелых в тридцати километрах от храма. На втором этапе изображается посещение священником приюта с целью причастить женщину во время ее болезни. Иными словами, раскрытие персонажа происходит в двух локусах: храмовом и секулярном.

Постепенное «узнавание» судьбы бабы Оли способствует возникновению в тексте мотива социального сиротства (старуха живет в доме престарелых при живом сыне). Описание интерната, в котором процветают воровство, нищета, а также грубость и равнодушие к больным со стороны персонала, ведет к появлению в повести широкого обобщения, раскрывает остроту и злободневность проблемы взаимодействия поколений, отношения к старикам.

В произведении важную роль играет специфика пространства интерната, при изображении которого возникает комплекс мотивов, характеризующих не только конкретный локус, но и жизнь современного общества в целом. Речь идет о мотивах *несвободы* (приют «бедная старуха называет не иначе как тюрьмой»¹¹), *обветшания* («Ветхость этих построек производит тягостное, давящее впечатление...»¹², *безумия* («Первой встречной оказалась... девушка с печатью идиотизма на лице, простоволосая, одетая в застиранный выцветший халат и тапочки на босу ногу»¹³). Наряду с этим возникает еще один важный мотив, появление которого объясняет сакральную сущность изображаемых повествователем явлений, – мотив *осквернения обители*. Интернат расположен в стенах бывшего женского монастыря, а на его территории располагаются закрытые храмы и другие постройки, предназначенные для жизни насельниц (стены, келейные корпуса и т.д.). Однако в нынешнем состоянии величественные монастырские постройки воспринимаются рассказчиком в мрачном, тягостном духе: лишены своей основной миссии – быть местом для совершения богослужений – они становятся тюрьмой для беспомощных стариков и душевнобольных пациентов.

Комната, в которой проживает баба Оля, отчасти противопоставлена общей атмосфере приюта и напоминает монашескую келью: «Уголок, где обитает моя прихожанка, можно сразу определить по ряду многочисленных дешевых икон, висящих над изголовьем казенной кровати и стоящих на тумбочке»¹⁴. Именно здесь происходит встреча священника с прихожанкой во время ее болезни, совершаются таинства исповеди и причащения, что позволяет говорить о символическом соотношении палаты с храмовым пространством, а также о своеобразном метафизическом возвращении заброшенному монастырю его исконного назначения: в стенах оскверненной обители вновь звучат молитвы, совершаются священнодействия.

В этом же произведении (запись от 3 сентября) раскрывается образ прихожанина Андрея. Следует отметить, что присутствие на службе в сельских храмах мужчин – явление достаточно

⁹ Там же. С. 182–183.

¹⁰ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. М.: Благо, 2004. С. 136.

¹¹ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 136

¹² Там же. С. 137.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 137–138.

редкое. Писатель-этнограф протоиерей Александр Шантаев отмечает: «...сельское Православие оказалось преимущественно женским... <...> Легче проанализировать единичные примеры “хождения” в церковь мужской части сельского населения, чем обратные примеры “нехождения”»¹⁵. Размышляя о причинах подобной ситуации, автор предлагает следующие аргументы: «Мужчины если и посещают церковь, то действительно из серьезных убеждений, по факту веры. Поворот к вере происходит в силу каких-то исключительных событий – тяжелой болезни, чудесного спасения от неминуемой смерти, после тюремного заключения»¹⁶.

Присутствие мужчины в храме (тем более регулярное посещение им богослужений) чаще всего вызывает интерес со стороны настоятеля сельского прихода. Таким образом, гендерный фактор в ряде случаев становится частью комбинированной детали, за которой следует постепенное узнавание персонажа. В исследуемом фрагменте повести С. Михалевича «Год на сельском приходе» деталь также включает изображение внешности мужчины: «Лет 50, крупный, плотный с добрым полным лицом. Волосы всегда взъерошены, пиджак расстегнут, на рубашке, застиранной, но чистой, отсутствуют одна-две пуговицы, словом, явный холостяк, за которым не досматривает женский заботливый глаз»¹⁷. Предположения рассказчика относительно семейного статуса Андрея находят подтверждение в ходе последующего узнавания персонажа, которое осуществляется во время совместной беседы, и наблюдения над поступками мужчины.

Поводом для перехода от латентной стадии знакомства к фазе активного взаимодействия становится просьба Андрея причастить тяжело больную соседку. Совместная поездка священника и прихожанина к дому адресата для совершения обрядовых действий способствует узнаванию, которое подтверждает первоначальные предположения пастыря относительно судьбы Андрея: после неудачного брака и ухода из семьи супруги у него на руках осталось двое детей. Сочувствие повествователя сопряжено с чувством глубокого уважения: «Жизнь его, как я понял, горька и безрадостна. Однако он не унывает и даже старается другим помогать»¹⁸. Следует отметить, что в произведении возникают мотивы забвения себя и личных интересов, бескорыстного служения людям.

Индивидуально-групповой тип изображения представителей паствы основан на отражении какого-либо ведущего признака, характерного для определенной категории прихожан. В данном случае повествователь делает акцент на отдельных приходских группах, выделение которых из общего числа прихожан становится возможным с помощью какого-либо признака. К подобным признакам можно отнести: а) родственные связи; б) состояние здоровья; в) близость жизненных обстоятельств.

Яркий пример индивидуально-группового изображения близких родственников содержится в повести «Год на сельском приходе» (запись от 12 июня). В данном фрагменте передается история пожилой женщины, взявшей опеку над тремя внуками, что стало следствием асоциального поведения матери мальчиков. Деталь, обратившая внимание рассказчика на эту семью, связана с внешним обликом детей: «все трое плохо одеты, вещи застиранные и старые»¹⁹. Узнавание происходит как опосредованным, так и непосредственным способами. В первом случае информация поступает от других членов прихода, во втором – благодаря посещению рассказчиком квартиры женщины. В процессе знакомства повествователь отмечает индивидуальные черты отдельных членов семьи. В первую очередь речь идет о бабушке, которой свойственны стойкость, энергичность, приветливость по отношению к гостю, проявление заботы о внуках: «Она успевала не только кормить, мыть и одевать детей, но и заниматься с ними»²⁰. Индивидуальные особенности отмечаются повествователем и у детей: «средний мальчик явно азиатских кровей»²¹, «старший знает кое-какие молитвы»²². Подобный тип изображения встречается также в записях от 8 октября, посвященных встрече с престарелыми сестрами Анной Александровной и Марфой Александровной, которая оставила в душе рассказчика достаточно сильное впечатление: «Таким

¹⁵ Шантаев А., свящ. Священник. Колдуньи. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода. М. : Благо, 2004. С. 19.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 113.

¹⁸ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 113.

¹⁹ Там же. С. 152.

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² Там же.

спокойствием и воздушной чистотой веяло от этих старушек-сестер. В их любви к окружающему миру чувствовалась глубокая искренняя, не показная вера... <...> Я уходил от них с чувством человека, напившегося из целебного источника»²³.

Индивидуально-групповое изображение прихожан, объединенных по признаку «состояние здоровья», касается в большинстве случаев людей, страдающих душевными заболеваниями. Размышляя о них, С. Михалевич отмечает: «Меня интересует, почему психически больные люди в большинстве своем тяготеют к Церкви. Уж сколько раз замечал: на каждом приходе, в каждом храме есть свои психически больные или умственно отсталые завсегдатаи»²⁴. А. Шантаев проводит параллель между состоянием душевного здоровья члена паствы и его гендерной принадлежностью, что отражает, с точки зрения писателя, специфику сельской церковной действительности. По его мнению, в храме редкий прихожанин-мужчина может оказаться «деревенским дурачком». Автор отмечает ряд знаковых черт, характерных для представителей этой группы: «Они являются усердными прихожанами, неплохо знают церковный календарь, дни памяти икон и святых и имеют особенности усваивать (имитировать?) интонации и лексику, характерные для деревенских бабок, среди которых они живут и общаются»²⁵.

В приходской прозе православных священнослужителей возникает своеобразная галерея образов психически нездоровых людей, нашедших место в приходском мире и являющихся по своему ревностными членами церковной общины. К ним относятся Лева из книги А. Шантаева «Между небом и Львами», Миша и Саша из повести С. Михалевича «Год на сельском приходе». К этой же группе примыкают прихожане с явными физическими недугами, лишаящими их возможности полноценной жизни. Речь идет о карлице Маше и страдающей от церебрального паралича Лиде, упоминания о которых содержатся в повести «Год на сельском приходе».

При изображении физически или душевно неполноценных больных людей авторы отходят от схемы *деталь – узнавание – вывод*, что связано со специфическими особенностями этих персонажей, которые обладают статичным характером, лишены рефлексии и способности к активному действию. В данном случае важную роль играет лишь деталь, не предполагающая дальнейшего узнавания и перехода от латентного изображения к фазе активного взаимодействия. Облик этих людей становится частью единого приходского пространства («...без них будто и приход не приход»²⁶); вне храмового локуса они не изображаются, что способствует восприятию их как личностей, «вычёркнутых» из контекста секулярного мира.

К часто встречающимся способам создания образов больных людей следует отнести портретную характеристику, которая включает специфические особенности мимики и жестикюляции, манеру одеваться. Так, при изображении сельского «дурачка» Левы А. Шантаев отмечает: «...подолгу не убирающий с круглого лица выражения некоего мимолетного восклицания»²⁷. Об умственно отсталом молодом человеке по имени Сергей тот же автор пишет: «С виду он выглядит вполне нормальным, насколько мы все так выглядим, если не придавать значения малоподвижному выражению лица»²⁸. Явные черты болезни присутствуют в портретах Миши и Саши – постоянных прихожан села Марусино (С. Михалевич «Год на сельском приходе»): «...Миша – высокий худой малый с непропорционально маленькой головой и в такой же степени косящимися глазами, что зрачков почти не видно... и Саша – совсем молодая девушка с плачущим выражением воспаленного лица, на голове которой накручено по три теплых платка, один на другом в любую погоду»²⁹.

Следует отметить специфическую манеру обращения душевнобольных людей к священнику, при которой в ряде случаев наблюдается отказ от общепринятых этикетных форм «отец» или «батюшка». Их место занимают обиходные обращения типа «дядя Саша» или использование исключительно имени без указания на статус священнослужителя.

Своеобразной отличительной чертой психически нездоровых людей становится их усердие в церковных богослужениях, а также специфическое понимание собственного места в негласной

²³ Там же. С. 123.

²⁴ Там же. С. 126.

²⁵ Шантаев А., священ. Священник. Колдуньи. Смерть ... С. 21.

²⁶ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 127.

²⁷ Шантаев А., священ. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года. М. : Артос-Медиа, 2005. С.

²⁸ Там же. С. 24–25.

²⁹ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 126.

«иерархии» прихожан. Так, персонаж повести С. Михалевича «Год на сельском приходе» Миша воспринимает собственное присутствие в храме как работу, при этом он «выстаивает весьма продолжительные порою службы, следит за порядком»³⁰. При нарушении кем-либо из прихожан правил поведения в храме «...негодование он изливает в бессвязных воплях»³¹. Склонность к многократно повторяющимся однообразным действиям отмечается в образе Левы из книги А. Шантаева «Между небом и Львами»: «...он исправно носил ведра с мусором из точки “А” в точку “Б” часа по четыре кряду»³². Предсказуемость и своеобразная «ритуалистичность» прослеживается в поведении большой девушки Саши, о которой С. Михалевич пишет: «...по окончании богослужения начинает ходить туда-сюда перед входом, пока кто-нибудь из служителей не вынесет ей какой-нибудь гостинец с кануна: батон или яблоко»³³.

Индивидуально-групповое изображение членов паствы возникает в случае, если речь идет о людях, переживших похожие жизненные обстоятельства, как правило, объединенных общей бедой. Так в произведении А. Лисняка «Песня про гробы» изображается группа прихожан, каждый из которых пережил в свое время бегство из родных мест. Описывая пасхальное богослужение и собственное участие в нем (праздничное каждение мирян), рассказчик акцентирует внимание на судьбах отдельных прихожан. В общей массе богомольцев возникают образы прихожан-беженцев из стран бывшего Советского Союза. В произведении показаны люди, объединенные, с одной стороны, общей бедой, а с другой – общим праздником: все они становятся участниками пасхального торжества, способного отеснить на второй план драматизм жизненных обстоятельств: «Но пасхальное настроение убивает все темные мысли»³⁴.

Наконец, следует обратить внимание на обобщенный тип изображения паствы. В этом случае автор воспринимает прихожан как целостный организм, для которого характерны общие голос, характер, поведение. В данном контексте, как правило, акцентов на конкретных представителях церковной общины не делается, никто из прихожан из общей массы не выделяется. Чаще всего подобный тип изображения используется во время описания богослужений или подготовки к ним, а также приходских собраний, на которых решаются хозяйственно-бытовые вопросы церковной жизни.

В первом случае богатый иллюстративный материал содержится в произведении А. Шантаева «Соборование», в котором прихожане изображаются во время подготовки и совершения таинства. Повествователь подчеркивает типичные черты поведения пожилых женщин, входящих в церковное пространство и ожидающих начало богослужения: «...старухи пробирались в трапезную часть. Там они широко и подолгу крестились, кланялись Голгофе и иконам, обходя и целуя застекленные кивоты...»³⁵. Очевидно, что члены церковной общины при пересечении границы храмового и мирского пространств стараются максимально точно исполнить необходимые обрядовые действия, представления о которых глубоко закрепились в их сознании. В этнографических очерках «Священник. Колдунья. Смерть» А. Шантаев, анализируя специфические действия в храме пожилых прихожан, подчеркивает, что «традиционный механизм поведения человека в церкви закладывается с детских лет как заимствование, перенимание обычаев и норм от старших»³⁶. В рассказе «Соборование» ритуализованный характер поведения прихожан, связанный с традициями православного этикета, сочетается с вполне бытовыми реалиями: «Совершив поклонение, бабки рассаживались перевести дух на широких скамьях, расставленных вдоль стен... старухи оглядывались по сторонам, высматривая подруг и знакомых из других деревень, и судачили между собой, впрочем, старались делать это тихо и незаметно...»³⁷. Таким образом, в поведении прихожан отмечается сочетание двух векторов: вертикального и горизонтального. Первый связан с православной обрядовой традицией, второй – с чисто человеческими потребностями (отдых после дороги, общение со знакомыми).

³⁰ Там же.

³¹ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 127.

³² Шантаев А., свящ. Между небом и Львами ... С. 26.

³³ Михалевич С., прот. Год на сельском приходе. С. 127.

³⁴ Лисняк А., прот. «Сашина философия» и другие рассказы. М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. С. 70.

³⁵ Шантаев А., прот. Асина Память ... С. 126.

³⁶ Шантаев А., свящ. Священник. Колдунья. Смерть ... С. 44.

³⁷ Шантаев А., прот. Асина Память ... С. 126.

Изображая прихожан вне богослужебно-обрядового контекста, например во время организационных собраний, автор подчеркивает сугубо деловой характер их поведения, в котором уже не остается места православной ритуалистике. В ряде случаев описание подобных встреч пастыря и мирян носит лаконичный характер; автор концентрирует внимание на присутствующих и принятых решениях. Так, в книге А. Шантаева «Между небом и Львами» (запись от 01.02.) отмечается количество участников собрания, их гендерный статус, а также делается акцент на итогах встречи: «Договорились производить уборку мусора и удобрений из летней церкви собственными силами»³⁸.

Обобщенный тип изображения паствы вне богослужебно-обрядового контекста отражен в рассказе «Верная Василиса», в котором повествуется о конфликте священника с членами прихода, вызванном разногласием в финансовых вопросах. В произведении представлен образ жестокой толпы, состоящей из пожилых женщин, бывших работниц ткацкой фабрики, располагавшейся на небольшом расстоянии от храма. Характеризуя их, повествователь использует такие номинации, как «активистки-церковницы», «бывшие ткачихи», «старушечий синедрион» и т.д. Акцент на профессиональной принадлежности прихожанок также не является случайным. В контексте рассказа понятия *церковное* и *фабричное* приобретают антонимичную окраску, при этом происходит явное смешение двух пространств: бывшие ткачихи начинают управлять приходом согласно привычным для них «пролетарским традициям»: «...и уже не один десяток лет прежние активистки ткацкого челнока цепкою рукой правили челноком приходским. Фабричный дух витал над нашим глухим приходом...»³⁹.

Кульминация произведения связана с изображением приходского собрания, во время которого агрессия паствы в отношении пастыря достигает наивысшей точки. При этом рассказчик отмечает, что поведение прихожан и отношение их к отцу Ивану – объекту несправедливых упреков – во многом зависит от ситуации, которая в данном случае носит не обрядовый, а сугубо деловой характер: «Батюшку любило множество народу из всех окрестных деревень, и те же нервные, озлобленные ткачихи, что заполошно кричали на собрании, и они любили его и взирали с благоговейной почтительностью, когда поодиночке подходили к исповеди и к Святому причастию»⁴⁰. Таким образом, автор показывает, что в системе взаимоотношений пастырь – паства, изображенной вне богослужебно-обрядового контекста, прихожане освобождаются от требований православной ритуалистики, а в их поведении начинают проявляться черты, противоречащие нормам морали и церковного этикета. Кроме того, в произведении «Верная Василиса» делается акцент на «психологии толпы», которая характеризуется сплоченностью, единым мнением и силой эмоционального порыва, резкой враждебностью по отношению к выбранной жертве. Высказывание иного мнения, противоречащего позиции большинства, в данном контексте не допускается; диапазон возможного действия членов паствы достаточно узок и ограничен параметрами *обличение/молчание*: «...одних, как говорится, бес попутал... а другие, в душе оставаясь на стороне священника, просто испугались идти наперекор буйной толпе»⁴¹.

Таким образом, в статье были рассмотрены наиболее типичные варианты изображения членов приходской общины, характерные для приходской литературы XXI века.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЭЛЕКТРОННЫХ РЕСУРСОВ

1. Кононенко, Ю. Феномен «священнической прозы» [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (дата обращения: 01.03.2017).
2. Краснякова, М.С. Современная православная проза: генезис, основные мотивы, типология сюжетов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Воронеж, 2016. – 22 с.
3. Лисняк, А., прот. «Сашина философия» и другие рассказы [Текст]. – М. : Изд-во Сретенского монастыря, 2014. – 288 с.
4. Михалевич, С., прот. Год на сельском приходе [Текст]. – М. : Благо, 2004. – 160 с.
5. Червоненко, С.М. Духовно-нравственные аспекты творчества писателей-священно-служителей: малые жанры русской прозы 1990–2000-х годов [Текст] : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2013. – 22 с.
6. Шантаев, А., прот. Асина Память: рассказы из российской глубинки [Текст]. – М. : Никея, 2015. – 256 с.

³⁸ Шантаев А., свящ. Между небом и Львами ... С. 13.

³⁹ Шантаев А., прот. Асина Память ... С. 32.

⁴⁰ Там же. С. 38.

⁴¹ Там же.

7. Шантаев, А., свящ. Между небом и Львами. Записки на полях церковного года [Текст]. – М. : Артос-Медиа, 2005. – 320 с.

8. Шантаев, А., свящ. Священник. Колдуны. Смерть. Этнографические очерки сельского прихода [Текст]. – М. : Благо, 2004. – 240 с.

REFERENCES

1. Kononenko, Yu. Fenomen “svyashchennicheskoy prozy” [Electronic resource]. – Mode of access : <http://dm-jurevch-67.livejournal.com/52847.html> (date of access: 01.03.2017).

2. Krasnyakova, M.S. Sovremennaya pravoslavnaya proza: genesis, osnovnye motivy, tipologiya syuzhetov [Text] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – Voronezh, 2016. – 22 s.

3. Lisnyak, A., prot. “Sashina filosofiya” i drugie rasskazy [Text]. – М. : Izd-vo Sretenskogo monastyrya, 2014. – 288 s.

4. Mihalevich, S., prot. God na sel'skom prihode [Text]. – М. : Blago, 2004. – 160 s.

5. Chervonenko, S.M. Duhovno-nravstvennye aspekty tvorchestva pisateley-svyashchenno-sluzhiteley: malye zhanry russkoy prozy 1990–2000-h godov [Text] : avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. – М., 2013. – 22 s.

6. Shantaev, A., prot. Asina Pamyat': rasskazy iz rossiyskoy glubinki [Text]. – М. : Nikeya, 2015. – 256 s.

7. Shantaev, A., svyashch. Mezhdru nebom i L'vami. Zapiski na polyah tserkovnogo goda [Text]. – М. : Artos-Media, 2005. – 320 s.

8. Shantaev, A., svyashch. Svyashchennik. Koldun'i. Smert'. Etnograficheskie ocherki sel'skogo prihoda [Text]. – М. : Blago, 2004. – 240 s.

I.S. Leonov

ORTHODOX PARISHIONERS AS DEPICTED BY MODERN ORTHODOX WRITERS

(at the Example of A. Shantayev's, A. Lisnyak's, S. Mikhalevich's Literary Works)

The paper centers on the manner in which orthodox writers of the 21st century depict the unique parish culture of modern Russia. The research analyzes prose fiction written by archpriests Alexander Shantayev, Alexy Lisnyak, Savva Mikhalevich. The research focuses on the manner in which the three writers depict their parishioners and on the stylistic devices the writers use to create their literary characters. The author maintains that their artistic approaches can be classified into individual focused, community-individual oriented, and generalized. The research centers on the mechanism of depicting parishioners through details ensuring identification and conclusion. A detail is a vivid characteristic feature of a person's appearance or behavior. A detail can ensure both latent and active identification through which the orthodox narrator gets to know his parishioners, understands the problems they face in their daily life and in their spiritual quest.

detail, literary works written by archpriests, orthodox literature, parish prose, identification.